

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А города Москвы С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видеоконференцсвязи, с участием представителя адвоката Д. – адвоката С. (регистрационный номер в реестре адвокатов Московской области ...; удостоверение адвоката № ... выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Московской области 24 декабря 2002 года; ордер от 20 июля 2020 года № ...; доверенность ..., удостоверенная 28 сентября 2020 года нотариусом города Москвы Со., реестр № ...); представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Ер. (доверенность от 27 декабря 2019 года № ...), дисциплинарные производства в отношении адвоката Д. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), возбужденные Президентом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (ФПА РФ) по представлению Первого вице-президента ФПА РФ от 19 июня 2020 года и Президентом Адвокатской палаты города Москвы по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 14 сентября 2020 года, исх. № ... (вх. № ... от 15.09.2020), объединенные для рассмотрения в одном дисциплинарном производстве ввиду взаимосвязанности их обстоятельств,

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 07.10.2020, адвокатом Д. нарушены требования п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в публичном сообщении им в период с 09 по 11 июня 2020 года сведений об имевшем место факте обращения к нему неустановленного лица за оказанием юридической помощи Е., в условиях невозможности получения согласия доверителя (неустановленного лица) на разглашение адвокатской тайны, снабжённом высказываниями, пренебрегающими презумпцией невиновности и искажающими существо инкриминируемого Е. деяния.

В соответствии с тем же Заключением признаны подлежащими прекращению:

- дисциплинарное производство, возбужденное распоряжением Президента ФПА РФ от 26 июня 2020 года по представлению Первого вице-президента ФПА РФ Семяжков Е.В. от 19 июня 2020 года (вх. № ... от

29.06.2020), и дисциплинарное производство, возбужденное распоряжением Президента Адвокатской палаты города Москвы от 24 сентября 2020 года № ... по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 14 сентября 2020 года исх. № ... (вх. № ... от 15.09.2020), в части доводов о нарушении адвокатом правил сохранения профессиональной тайны – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

- дисциплинарное производство, возбужденное распоряжением Президента Адвокатской палаты города Москвы от 24 сентября 2020 года № ... по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 14 сентября 2020 года, исх. № ... (вх. № ... от 15.09.2020): в части доводов о том, что публичная активность адвоката, связанная с представлением им интересов потерпевших в уголовном деле по факту дорожно-транспортного происшествия с участием Е., характеризуется высокой степенью эпатажа и излишним стремлением привлечь к себе внимание – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства; в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Д., надлежащим образом уведомленный о дне, времени и месте заседания Совета, а также о возможности участия в нём с использованием видеоконференцсвязи, своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, о причинах неявки Совету не сообщил, направил представителя – адвоката С. Совет, принимая во внимание эти обстоятельства, а также то, что адвокатом Д. неоднократно давались письменные объяснения по предмету дисциплинарного производства и учитывая положения пункта 5 статьи 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие адвоката Д.

Адвокатом Д. представлены в Совет письменные «Объяснения к ЗаклЮчению Квалификационной комиссии» от 26.10.2020 (вх. № ... от 26.10.2020), в которых он указывает:

«Квалификационная комиссия ... 07 октября 2020 г. вынесла заключение, в котором все обвинения в нарушениях Кодекса профессиональной этики адвокатов, представленные Федеральной Палатой Адвокатов в мой адрес были сняты, включая п. 5 ст. 6 о нарушении адвокатской тайны путём разглашения факта об обращении доверителя»;

«Квалификационная комиссия ... вменила мне новое дисциплинарное нарушение, которого не было представлено в представлении ФПА РФ»;

«Квалификационная комиссия допустила предположение о том, что я якобы мог придумать факт обращения ко мне по защите известного лица с

целью самопиара. Данное предположение Квалификационная комиссия заложила в мотивировку дисциплинарного проступка, подпадающего под п. 2 ст. 5 Кодекса и этим обвинили меня в новом проступке. Что недопустимо»;

Квалификационной комиссией не была опрошена его секретарь [*К. – примечание Совета*] для подтверждения следующих обстоятельств: «...факта обращения лично ко мне со стороны Е. не было, вместе с тем звонок с вопросом в мой офис от неизвестных мне лиц, с которыми я категорически отказался разговаривать, был»;

«Исходя из смысла п. 2 статьи 5 Кодекса в нём не содержится конкретных этических нарушений норм профессиональной этики, поэтому применении его отдельно без взаимосвязи с другими конкретными нарушениями невозможно»;

«Придя к заключению о необходимости прекращения дисциплинарного производства ... в отношении меня в части доводов о нарушении мной правил сохранения адвокатской тайны, Квалификационная комиссия в мотивировочной части ссылается на нарушение п. 5 ст. 6 Кодекса...»;

«...считаю, что своими действиями я не подрывал доверие, как к себе, так и к адвокатуре в целом. Свое публичное обоснование причины отказа от потенциальной защиты Е. я не считаю нарушением, поскольку конкретного обращения ко мне не было, в этот момент я был свободен от каких-либо профессиональных обязательств по настоящему делу и был вправе выразить свое мнение в отношении вида преступления, а не конкретного человека»; «...я не обсуждал публично действия Е., а обсуждал лишь обстоятельства происшествия, подпадающие под признаки преступления и свое отношение к категории данных дел»; «не имело место осуждение лица, а имело место осуждение деяния... Таким образом, такой изобретённый стандарт нарушения п. 2 ст. 5 Кодекса не соответствует фактическим обстоятельствам»;

другие адвокаты тоже давали схожие публичные комментарии, и в их отношении это не признается нарушением;

«Ранее я уже письменно обращался с предложением о примирении в ФПА РФ, и в ответе четко прослеживалось согласие с моей позицией и намерение к примирению, которому помешали неизвестные мне обстоятельства». «...я полагаю, что при таких обстоятельствах могу просить Совет Адвокатской Палаты о примирении...»;

«я считаю, что в интересах адвокатуры необходимо решать все внутренние противоречия мирным путем без привлечения к публичным порицаниям кого-либо...»;

«В случае невозможности примирения прошу прекратить дисциплинарное производство по п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката ... вследствие отсутствия в моих действиях нарушения норм законодательства и Кодекса и вследствие надлежащего исполнения мной своих обязанностей перед доверителями и адвокатской палатой».

В дополнение к указанным «Объяснениям» адвокатом Д. 27.10.2020 представлены (вх. № ... от 27.10.2020) «нотариально заверенное заявление К.

от 15.10.2020г.» и «Заявление адвоката У. от 12.10.2020г., заверенное подписью Управляющего партнера МКА «...».

Представитель адвоката Д. адвокат С. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. С выводами Квалификационной комиссии в части, касающейся признания нарушения адвокатом Д. требований пункта 2 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, не согласилась, поддержав письменные возражения адвоката Д., представленные Совету. В остальной части с Заключением Квалификационной комиссии согласилась. Дополнительно пояснила, что полагает невозможным выдвижение дисциплинарных обвинений в отношении адвоката Д. в отсутствие конфликта между ним и его доверителями, считает ошибкой предпринятую органами адвокатского самоуправления «морально-этическую чистку», затрудняющую работу адвоката Д. по сложному «резонансному» делу. Полагает, что должно быть достигнуто мирное урегулирование спора, как это и предложил адвокат Д. Кроме того, считает, что Квалификационная комиссия не имела оснований признать в действиях адвоката Д. нарушение статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, не признав нарушение им теми же действиями требований статьи 6 Кодекса о сохранении адвокатской тайны. По её мнению, Квалификационная комиссия вышла за пределы выдвинутых дисциплинарных обвинений, допустив в своём Заключении предположительное суждение о том, что адвокат Д. мог «придумать» факт обращения к нему за оказанием юридической помощи Е. Полагает дисциплинарное производство подлежащим прекращению в полном объёме.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Ер. в заседании Совета также подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. С выводами Квалификационной комиссии не согласилась, поскольку считает, что адвокатом Д. были совершены все нарушения, указанные в представлении Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве. Считает, что запрет на разглашение адвокатской тайны является безусловным, а ссылка Квалификационной комиссии на то, что обращение за оказанием юридической помощи исходило от неустановленного лица, не влияет на оценку действий адвоката Д., поскольку такое условие не предусмотрено законом, а обратившееся за юридической помощью лицо могло быть впоследствии установлено. Просит направить дисциплинарное производство Квалификационной комиссии для нового разбирательства.

Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, включая приведённые выше письменные объяснения адвоката Д., выслушав явившихся в заседание участников, Совет приходит к следующим выводам.

Совет признаёт достоверно и полно установленными Квалификационной комиссией все существенные обстоятельства,

относящиеся к предмету дисциплинарного производства. Выводы Квалификационной комиссии, изложенные в её Заключении, соответствуют установленным фактическим обстоятельствам, предмету дисциплинарного разбирательства и сделаны Комиссией по существу дисциплинарных обвинений, выдвинутых в отношении адвоката Д. в представлениях Первого вице-президента ФПА РФ и Главного управления Министерства юстиции по Москве.

Так, установлено и не отрицается самим адвокатом Д., что им в комментариях различным новостным каналам и средствам массовой информации были сделаны следующие публичные заявления в связи с обсуждением обстоятельств дорожно-транспортного происшествия с участием Е., имевшего место 8 июня 2020 года.

Подтвердив факт обращения к нему за защитой Е., подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления, и поясняя причины отказа, адвокат Д., в частности, заявил:

«Я сразу сказал, что не возьмусь, потому что есть ряд дел, за которые я не берусь никогда, – это педофилия, наркотики и терроризм. До сегодняшнего дня я думал, что это три вида дел, за которые я не возьмусь. Сегодня прибавилось четвёртое – это, конечно, убийство человека в ДТП в состоянии алкогольного опьянения. Преступление, близкое к терроризму. В случае раскаяния срок может быть и меньше чем 12 лет. А что ему ещё остаётся делать? Он был в тяжелейшем состоянии алкогольного опьянения. Наверное, суд возьмёт во внимание его заслуги перед Отечеством, и он получит восемь или десять лет. Но от этого что, легче семье человека, которого нет?»

Источники:

1. <https://...> (приложение 1);
2. <https://...>».

Применительно к этим публичным высказываниям адвоката Д. в представлении Первого вице-президента ФПА РФ указано, что они «могут рассматриваться как умаляющие авторитет адвокатуры и подрывающие доверие к ней».

Позднее адвокат Д. неоднократно публично повторял эту позицию в эфире различных средств массовой информации и Интернет-ресурсов, а также заявил, что он в последующем принял поручение на представление потерпевших по этому делу.

В частности, им были сделаны следующие публичные заявления:

«Как и многим адвокатам, мне тоже поступило предложение представлять интересы господина Е. А вот сегодня, буквально несколько часов назад, поступило предложение от семьи, от брата, представлять интересы, очевидно, они будут признаны потерпевшими, да. И мой ответ «нет» и мой ответ «да» исходил из одного понимания этого процесса. Я ответил «нет» человеку, который звонил и спрашивал меня, могу ли я представлять Е., потому что я хорошо знаю, как сделать так, чтобы Е. ушел от наказания. И, зная это и представляя себе всю логику событий, которые

могут развернуться в течение следствия и самого процесса, я принял предложение от семьи представлять их интересы»;

«Пусть его защищают другие адвокаты, ради бога, я не хочу. Исходя из каких-то принципов, которые я вижу в зеркале каждое утро, когда бреюсь. Кроме того, есть один очень серьезный момент: я знаю, как выиграть этот процесс со стороны Е., поэтому я не хочу выигрывать, поэтому я не взялся»;

«Знаете, когда эта трагедия произошла, мне раздался звонок. Я даже не стал разговаривать. Мне было предложено представлять интересы Е.».

Источники:

<https://...>

<http://...>

<https://...>

<https://...>

При этом, как в представлении Первого вице-президента ФПА РФ, так и в представлении Главного управления Министерства юстиции РФ по Москве содержатся указания на признаки нарушения адвокатом Д. требований пункта 2 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката. В представлении Первого вице-президента ФПА РФ, кроме того, содержится следующее дисциплинарное обвинение, непосредственно относящееся к приведённым выше публичным высказываниям адвоката Д.: «Представляется, что подобное профессиональное поведение адвоката подрывает авторитет адвокатуры в целом, доверие к ней, препятствует формированию образа адвоката как лица, к которому может обратиться без риска того, что даже сам факт такого обращения будет использован против него, любой человек, вне зависимости от тяжести деяния, в котором он подозревается, или обстоятельств дела».

При таких обстоятельствах Совет, вопреки утверждениям адвоката Д. и его представителя, признаёт установленным тот факт, что в отношении адвоката Д. выдвинуто, помимо прочих, самостоятельное дисциплинарное обвинение в нарушении требований пункта 2 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката: «Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокату». Соответственно, Квалификационная комиссия, давая оценку этому дисциплинарному обвинению, действовала в пределах своих полномочий, предусмотренных пунктом 4 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, не превысила их и не допустила какого-либо изменения предмета и (или) основания представлений.

Совет отклоняет как явно несостоятельный довод адвоката Д., поддержанный его представителем, о том, что «Квалификационная комиссия допустила предположение о том, что я якобы мог придумать факт обращения ко мне по защите известного лица с целью самопиара. Данное предположение Квалификационная комиссия заложила в мотивировку дисциплинарного проступка, подпадающего под п. 2 ст. 5 Кодекса и этим обвинили меня в новом проступке». Из содержания Заключение Квалификационной комиссии ясно следует, что вывод о наличии в действиях

адвоката Д. нарушения требований пункта 2 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката Квалификационная комиссия обосновала фактом и содержанием приведённых выше публичных высказываний адвоката Д., а не какими-либо собственными предположениями. Содержащееся в Заключении Комиссии разъяснение: «Дополнительно Квалификационная комиссия разъясняет, что даже и в том случае, если бы адвокат Д. выдумал факт обращения к нему за защитой Е., а потом в целях саморекламы публично распространил бы указанные сведения, по мнению Комиссии, это все равно бы являлось поступком, подрывающим доверие к адвокатуре, по причинам, описанным выше», со всей очевидностью, не содержит в себе ни предположений о распространении адвокатом Д. ложной информации об обращении к нему за юридической помощью, ни, тем более, каких-либо новых дисциплинарных обвинений. Оно лишь иллюстрирует вывод Квалификационной комиссии о том, что предметом и существом дисциплинарного обвинения в нарушении требований пункта 2 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката являются приведённые выше публичные высказывания адвоката Д., вне зависимости от того, имел ли место факт обращения к нему за юридической помощью Е.

По этой же причине Квалификационная комиссия не сочла значимыми для разрешения настоящего дисциплинарного производства обстоятельства получения адвокатом Д. информации об обращении к нему за оказанием юридической помощи Е. Соглашаясь с этим выводом, Совет не принимает во внимание представленные адвокатом Д. «нотариально заверенное заявление К. от 15.10.2020г.» и «Заявление адвоката У. от 12.10.2020г., заверенное подписью Управляющего партнера МКА «...», как не влияющие на оценку действий адвоката Д.

Учитывая изложенные обстоятельства, Совет не находит оснований для направления дисциплинарного производства Квалификационной комиссии для нового разбирательства и не усматривает каких-либо препятствий для его разрешения по существу.

Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии в части, касающейся прекращения дисциплинарного производства по основаниям, приведённым в Заключении Комиссии.

Так, Комиссия пришла к обоснованному выводу об обнаружившемся в ходе разбирательства отсутствии допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства в части доводов о нарушении адвокатом Д. правил сохранения профессиональной тайны. Соглашаясь в этой части с доводами Квалификационной комиссии, изложенными в её Заключении, Совет обращает внимание на то, что в силу пункта 3 статьи 6 Кодекса профессиональной этики адвоката «Адвокат не может быть освобождён от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя». Как правильно указала в своём Заключении Квалификационная комиссия, распространение сведений, составляющих адвокатскую тайну, затрагивает исключительно интересы доверителя, который может письменным заявлением освободить адвоката от необходимости ее хранения. В условиях,

когда от лиц, обращавшихся к адвокату Д. за оказанием юридической помощи Е., жалоб на разглашение адвокатом этого факта, составляющего профессиональную тайну, не поступало, а сами эти лица неизвестны, допустимый повод для возбуждения дисциплинарного производства в этой части отсутствует.

Вместе с тем, Совет подчёркивает, что обнаружившееся отсутствие допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства в указанной части означает не признание отсутствия данного нарушения, а констатацию отсутствия возможности и необходимости оценки дисциплинарными органами Адвокатской палаты города Москвы профессионального поведения адвоката Д. на предмет его соответствия требованиям статьи 8 Федерального закона 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и статьи 6 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Соглашается Совет и с выводом Квалификационной комиссии об обнаружившемся отсутствии допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства в части доводов о том, что публичная активность адвоката Д., связанная с представлением им интересов потерпевших в уголовном деле по факту дорожно-транспортного происшествия с участием Е., характеризуется высокой степенью эпатажа и излишним стремлением привлечь к себе внимание. Данное дисциплинарное обвинение, как оно изложено в представлении Главного управления Министерства юстиции РФ по Москве, явно не соответствует требованиям подпунктов 6 и 7 пункта 2 статьи 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, что также исключает возможность оценки профессионального поведения адвоката Д. в этой части.

Наконец, Совет признаёт обоснованным вывод Квалификационной комиссии об отсутствии в действиях адвоката Д. нарушений требований подпункта 1 пункта 2 статьи 15 Кодекса профессиональной этики адвоката в части, касающейся его публичных высказываний в адрес адвоката П. и других защитников Е., а также в адрес Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Приведенные в представлении Главного управления Министерства юстиции РФ по Москве высказывания адвоката Д. в указанной части не свидетельствуют о нарушении им подпункта 1 пункта 2 статьи 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку выражений, умаляющих честь, достоинство или деловую репутацию адвоката П., они не содержат. Высказывание адвоката Д.: «но господин Е. решил, ... вот подосланные ФСБ каскадёры или марсиане, которые вели машину, намного выгоднее, потому что он сможет полностью оправдаться на суде», в шуточной манере комментирует избранную Е. защитительную версию и не содержит никакой критики Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Другие приведённые в представлении высказывания адвоката Д. о допущенных, по его мнению, ошибках защиты Е., были сделаны адвокатом Д. в адрес процессуальных оппонентов по делу и также не свидетельствуют об умалении им деловой репутации адвокатов – защитников Е.

Квалификационная комиссия правильно обратила внимание и на то, что ни адвокат П., ни Федеральная служба безопасности Российской Федерации с какими-либо жалобами по поводу данных высказываний адвоката Д. не обращались. При таких обстоятельствах Совет признаёт дисциплинарное производство в данной части подлежащим прекращению по основанию, предусмотренному подпунктом 2 пункта 1 статьи 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Переходя к оценке дисциплинарного обвинения в нарушении адвокатом Д. требований пункта 2 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет, прежде всего, отклоняет как явно несостоятельные доводы адвоката Д. и его представителя о том, что данная норма не содержит конкретных предписаний, её неисполнение не является самостоятельным дисциплинарным нарушением и не может быть признано таковым вне совокупности с нарушением требований статьи 6 Кодекса профессиональной этики адвоката либо каким-либо иным «конкретным» нарушением. Вопреки этим доводам, требование к адвокату избегать совершения действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре, является универсальным и распространяется на все и любые действия адвоката, а вовсе не только на действия, связанные с разглашением профессиональной тайны. Соблюдением адвокатами этого требования обеспечиваются фундаментальные основы существования и деятельности адвокатской корпорации: доверие к ней и её авторитет в обществе. В Преамбуле Кодекса профессиональной этики адвоката указано: «Существование и деятельность адвокатского сообщества невозможны без соблюдения корпоративной дисциплины и профессиональной этики, заботы адвокатов о своих чести и достоинстве, а также об авторитете адвокатуры». В соответствии с пунктом 2 статьи 4 Кодекса профессиональной этики адвоката необходимость соблюдения правил адвокатской профессии вытекает из факта присвоения статуса адвоката. В соответствии с пунктом 5 статьи 9 того же Кодекса в любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан сохранять честь и достоинство, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения. В соответствии с пунктом 3 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката. Таким образом, требование к адвокату избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре, является не только самостоятельным, но и одним из важнейших профессионально-этических требований, нарушение которого, совершённое адвокатом умышленно или по грубой неосторожности, влечёт применение мер дисциплинарной ответственности (пункт 1 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Как установлено материалами дисциплинарного производства, адвокатом Д., выступавшим именно в качестве адвоката, были неоднократно

сделаны публичные высказывания, в которых он, сообщая об имевшем место обращении к нему за юридической помощью Е., заявлял о принятом им решении отказаться от обсуждения и принятия такого поручения и комментировал мотивы занятия такой позиции. В частности, адвокатом Д. было публично заявлено следующее: «Я сразу сказал, что не возьмусь, потому что есть ряд дел, за которые я не берусь никогда, – это педофилия, наркотики и терроризм. До сегодняшнего дня я думал, что это три вида дел, за которые я не возьмусь. Сегодня прибавилось четвёртое – это, конечно, убийство человека в ДТП в состоянии алкогольного опьянения. Преступление, близкое к терроризму. В случае раскаяния срок может быть и меньше чем 12 лет. А что ему ещё остаётся делать? Он был в тяжелейшем состоянии алкогольного опьянения. Наверное, суд возьмёт во внимание его заслуги перед Отечеством, и он получит восемь или десять лет. Но от этого что, легче семье человека, которого нет?»).

Источники:

<https://...> от 09 июня 2020 года;

<https://...> от 10 июня 2020 года.

«Как и многим адвокатам, мне тоже поступило предложение представлять интересы господина Е. А вот сегодня, буквально несколько часов назад, поступило предложение от семьи, от брата, представлять интересы, очевидно, они будут признаны потерпевшими, да. И мой ответ «нет» и мой ответ «да» исходил из одного понимания этого процесса.

Я ответил «нет» человеку, который звонил и спрашивал меня, могу ли я представлять интересы Е., потому что я хорошо знаю, как сделать так, чтобы Е. ушел от наказания. И, зная это и представляя себе всю логику событий, которые могут развернуться в течение следствия и самого процесса, я принял предложение от семьи представлять их интересы. Потому что, наверное, слушайте, если мне это пришло в голову, значит, это могло прийти в голову и коллегам, и приблизительно понимая, что такое может произойти...»

Источник: <https://...> от 11 июня 2020 года.

«Пусть его защищают другие адвокаты, ради бога, я не хочу. Исходя из каких-то принципов, которые я вижу в зеркале каждое утро, когда я бреюсь. Кроме того, есть один очень серьезный момент: я знаю, как выиграть этот процесс со стороны Е., поэтому я не хочу выигрывать, поэтому я не взялся».

Источник: <http://...> от 11 июня 2020 года.

«Знаете, когда эта трагедия произошла, мне раздался звонок. Я даже не стал разговаривать. Мне было предложено представлять интересы Е. Я знаю, как сделать так, чтобы Е. не получил наказание. Практически никакого. Как адвокат у меня есть мысли на эту тему. Я приблизительно представляю, как бы я вел защиту Е. И из-за того, что я знаю, как бы я выиграл этот процесс, я не стал им заниматься.

И теперь зеркально, когда мне поступило предложение от семьи погибшего, я его принял исключительно потому, что я знаю, как сделать так, чтобы Е. вышел с наименьшими потерями из этой ситуации. Потому что те

идеи, которые есть у меня, могут быть и у коллег тоже. И там более или менее все понятно, как выстраивать линию защиты. Вот почему я не принял одно предложение и принял другое».

Источник: <https://...> от 11 июня 2020 года.

Из содержания интервью адвоката Д. журналисту радиостанции «Эхо Москвы» Н. 11 июня 2020 года, размещенного в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на официальном сайте указанной радиостанции по ссылке: <https://...>, следует, что, отвечая на вопрос журналиста, адвокат Д. сообщил следующее: «Вы знаете, когда эта трагедия произошла, мне раздался звонок, на который я вообще даже не стал разговаривать, и мне было предложено представлять интересы Е. ... Из-за того, что я знаю, как бы я выиграл этот процесс, я не стал им заниматься... Когда произошла эта трагедия, мне раздался звонок, и этот звонок был с предложением, с вопросом могу ли я участвовать в защите Е. Я не знаю, кто это звонил, наверное, да... [*имеются в виду родственники Е. – примечание Совета*] или знакомые, или из окружения, я не стал даже разговаривать и ответил нет» (фрагмент интервью с 02:30 мин. по 04:26 мин.).

Анализируя эти публичные высказывания адвоката Д. на предмет их соответствия требованиям пункта 2 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет, прежде всего, соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что адвокат Д., несомненно, сообщает и неоднократно подтверждает сведения об имевшем место факте обращения к нему за оказанием юридической помощи Е. в виде защиты последнего по уголовному делу. В связи с этим Совет отклоняет как не соответствующий действительности довод адвоката Д. о том, что он комментировал не конкретное дело в отношении конкретного лица, а деяние как таковое.

Вместе с тем, Совет соглашается с Квалификационной комиссией и доводами представления Первого вице-президента ФПА РФ от 19 июня 2020 года о том, что своими публичными комментариями факта обращения к нему неустановленного лица за оказанием юридической помощи Е. адвокат Д. подрывает доверие не только к себе, но и к адвокатуре как институту гражданского общества в целом, поскольку способствует формированию общественного мнения об адвокате как о советнике, обращение к которому за профессиональной помощью может повлечь публичное обнародование самого факта такого обращения и публичное же обоснование причин отказа в принятии защиты, вызванных осуждением адвокатом действий лица, за защитой которого к нему обратились.

Публичное сообщение адвокатом Д. об обращении к нему за оказанием юридической помощи Е. было сопряжено с высказываниями, пренебрегающими презумпцией невиновности последнего и искажающими существо инкриминируемого ему деяния, содержащего признаки преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 264 УК РФ, относящегося к категории неосторожных преступлений и не имеющего ничего общего с преступлениями террористической направленности. Такое умышленное и грубое искажение юридически значимых обстоятельств адвокатом,

являющимся независимым профессиональным советником по правовым вопросам (пункт 1 статьи 2 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), также прямо противоречит назначению института адвокатуры, созданного и действующего исключительно для оказания профессиональной юридической помощи. Вопреки доводам адвоката Д., произнесение им, именно в качестве адвоката, фразы: «Убийство человека в ДТП в состоянии алкогольного опьянения. Преступление, близкое к терроризму» – не может быть оправдано целью облегчения понимания юридических вопросов непрофессиональной аудиторией (обывателем), поскольку именно эта аудитория ожидает получить от адвоката достоверную, точную и корректную информацию по правовым вопросам.

Кроме того, публичная мотивировка адвокатом отказа от принятия защиты характером и тяжестью инкриминируемых преступлений противоречит существу адвокатской профессии, поскольку способствует формированию в обществе отрицания конституционного права на защиту за целыми категориями граждан, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение определённых деяний.

Вопреки доводам адвоката Д., то обстоятельство, что его публичные заявления, пренебрегающие презумпцией невиновности, осуждающие лицо, за защитой которого к нему обратились, и искажающие существо инкриминируемого деяния, сделаны им до вступления в дело в качестве представителя потерпевших, ни в коей мере не снимает с него профессионально-этическую ответственность за содержание этих заявлений. Более того, в такой ситуации они не могут быть оправданы даже ложно понятым стремлением защитить интересы потерпевших.

Принимая во внимание изложенные обстоятельства в их совокупности, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что адвокат Д., публично сообщив в период с 09 по 11 июня 2020 года сведения об имевшем место факте обращения к нему неустановленного лица за оказанием юридической помощи Е. и снабдив это сообщение высказываниями, пренебрегающими презумпцией невиновности и искажающими существо инкриминируемого Е. деяния, совершил действия, направленные к подрыву доверия к адвокатуре. Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката Д. в отношении данного дисциплинарного обвинения опровергнутой, а его умышленную вину в нарушении требований пункта 2 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката установленной.

Вместе с тем, Совет полагает избыточным и исключает из формулировки дисциплинарного нарушения, содержащейся в Заключение Квалификационной комиссии, указание на «условия невозможности получения согласия доверителя (неустановленного лица) на разглашение адвокатской тайны». Совет полагает, что данное обстоятельство не влияет на оценку действий адвоката Д. в части, касающейся совершённого им нарушения требований пункта 2 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет отклоняет как полностью несостоятельные доводы адвоката Д. о применении к нему некоего «придуманного индивидуального стандарта» ответственности, а также довод его представителя адвоката С. о том, что в отношении адвоката Д. осуществляется «морально-этическая чистка». Совет в этой связи разъясняет адвокатам Д. и С., что дисциплинарное производство осуществляется в отношении каждого адвоката индивидуально, при наличии допустимого повода и в пределах выдвинутых дисциплинарных обвинений, с соблюдением требований состязательности и равноправия участников дисциплинарного производства. Дополнительно Совет разъясняет адвокату С., что работа адвоката по делам, к которым привлечено повышенное общественное внимание, не только не освобождает адвоката от обязанности соблюдения всех требований профессиональной этики, но напротив – требует от него повышенной внимательности и скрупулёзности в их соблюдении, поскольку именно по поведению адвокатов в таких делах и в связи с ними общество в значительной мере определяет своё отношение к адвокатской деятельности и к адвокатскому сообществу (как это произошло и в рассматриваемом случае).

В связи с обращением адвоката Д. к Совету с просьбой о примирении Совет разъясняет ему, что примирение может быть достигнуто исключительно между сторонами дисциплинарного производства, к числу которых Совет Адвокатской палаты города Москвы не относится, и выражается в отзыве жалобы (представления, обращения). Каких-либо обращений об отзыве представлений, на основании которых были возбуждены дисциплинарные производства в отношении адвоката Д., и о примирении с ним в Адвокатскую палату города Москвы не поступало.

Вместе с тем, в соответствии с пунктом 7 статьи 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, с целью выяснения возможности принятия мер к примирению адвоката и лиц, обратившихся с представлением, а также с учётом содержащейся в письменных «объяснениях» адвоката Д. информации о том, что он «письменно обращался с предложением о примирении в ФПА РФ, и в ответе четко прослеживалось согласие с моей позицией и намерение к примирению, которому помешали неизвестные мне обстоятельства», президентом Адвокатской палаты города Москвы Поляковым И.А. был направлен письменный запрос президенту ФПА РФ Пилипенко Ю.С. (исх. № ... от 28.10.2020) с просьбой сообщить, обращался ли адвокат Д. в ФПА РФ с просьбой о примирении, и если да, то каковы результаты рассмотрения этого обращения. В ответ на этот запрос в Адвокатскую палату города Москвы поступило письмо исполнительного директора ФПА РФ Сергеевой О.Е. (вх. № ... от 28.10.2020), к которому приложены заверенные копии обращений адвоката Д. к президенту ФПА РФ Пилипенко Ю.С. от 01.10.2020 и от 12.10.2020, а также ответа президента ФПА РФ Пилипенко Ю.С. адвокату Д. от 07.10.2020 № ... следующего содержания: «Д. Уважаемый ...! Прочитав Ваше обращение от 1 октября 2020 года, я посчитал необходимым посоветоваться со своими коллегами, в том числе с первым вице-президентом ФПА РФ ..., по представлению

которого мною было возбуждено дисциплинарное производство в отношении Вас. Коллеги настаивают на том, что примирение не представляется возможным, и не рекомендовали мне следовать Вашей просьбе». На повторное обращение адвоката Д. от 12.10.2020, согласно информации исполнительного директора ФПА РФ Сергеевой О.Е., ответ не давался.

При таких обстоятельствах Совет констатирует явно выраженную со стороны ФПА РФ позицию об отсутствии возможности для примирения с адвокатом Д., а также факт введения им в заблуждение Совета Адвокатской палаты города Москвы информацией о том, что «в ответе [ФПА РФ – примечание Совета] четко прослеживалось согласие с моей позицией и намерение к примирению, которому помешали неизвестные мне обстоятельства».

Мерами дисциплинарной ответственности, применяемыми к адвокату за нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, являются: 1) замечание; 2) предупреждение; 3) прекращение статуса адвоката (п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката (пп. 2 п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Определяя в соответствии с требованиями пункта 4 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Д. за совершённое им нарушение требований пункта 2 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет принимает во внимание его умышленный и неоднократный характер, а также особую тяжесть, которая выразилась в том, что публичные действия (высказывания) адвоката Д., ставшие достоянием многомиллионной аудитории читателей, зрителей и слушателей (в том числе, федеральных телевизионных и радиовещательных средств массовой информации), противоречили самому существу адвокатской профессии и её базовым ценностям, поскольку они содержали пренебрежение презумпцией невиновности, искажали юридически значимые обстоятельства, способствовали формированию общественного мнения об адвокате как о советнике, обращение к которому за профессиональной помощью может повлечь публичное обоснование причин отказа в принятии защиты, вызванных осуждением адвокатом действий лица, за защитой которого к нему обратились, а также способствовали формированию в обществе отрицания конституционного права на защиту за целыми категориями граждан, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение определённых деяний.

Совет также учитывает, что адвокату Д. ранее уже указывалось на намеренное и устойчивое игнорирование им требований профессиональной этики в публичном поведении. При этом Совет обращал внимание адвоката

Д. на его большой опыт и разнообразную практику публичных выступлений, позволяющие ему свободно и непринуждённо вести себя и при общении с журналистами и выбирать наиболее подходящие, по его мнению, слова из обширного словарного запаса (Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы от 26.06.2018 № ...). С учётом этого обстоятельства Совет расценивает публичное профессиональное поведение адвоката Д., являющееся предметом настоящего дисциплинарного производства, как проявление им стойкого нежелания связывать себя требованиями профессиональной этики адвоката.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о применении в отношении адвоката Д. меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет полагает невозможным применение к нему более мягкой меры дисциплинарной ответственности, поскольку это не отвечало бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному пунктом 3 статьи 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также создавало бы ложное впечатление о совместимости подобного публичного профессионального поведения с принадлежностью к адвокатскому сообществу.

Устанавливая в соответствии с требованиями пункта 7 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Д. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, Совет, принимая во внимание описанные выше обстоятельства и отношение Д. к совершённому им нарушению, полагает необходимым определить указанный срок в два года.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 2 п. 2 ст. 17, пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации, п. 1, 4-7 ст. 18, пп. 1, 2, 8 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

1. Применить к адвокату Д. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за нарушение требований пункта 2 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре»), что выразилось в публичном сообщении им в период с 09 по 11 июня 2020 года сведений об имевшем место факте обращения к нему неустановленного лица за оказанием юридической помощи Е., снабжённом высказываниями, пренебрегающими презумпцией невиновности и искажающими существо инкриминируемого Е. деяния. Установить в отношении Д. срок, по истечении которого он может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в два года.

2. Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Д. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) распоряжением Президента Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 26 июня 2020 года по представлению Первого вице-президента ФПА РФ от 19 июня 2020 года (вх. № ... от 29.06.2020) и распоряжением Президента Адвокатской палаты города Москвы от 24 сентября 2020 года № ... по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 14 сентября 2020 года исх. № ... (вх. № ... от 15.09.2020), в части доводов о нарушении адвокатом правил сохранения профессиональной тайны, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

3. Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Д. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) распоряжением Президента Адвокатской палаты города Москвы от 24 сентября 2020 года № ... по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 14 сентября 2020 года исх. № ... (вх. № ... от 15.09.2020): в части доводов о том, что публичная активность адвоката, связанная с представлением им интересов потерпевших в уголовном деле по факту дорожно-транспортного происшествия с участием Е., характеризуется высокой степенью эпатажа и излишним стремлением привлечь к себе внимание – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства; в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков